

Автор — Наталья Демчик
demchikn@mail.ru
8 906 720 48 44

НАТАЛЬЯ ДЕМЧИК
ЗАЛОЖНИКИ ЛЮБВИ

Рождественская комедия в двух действиях

АННОТАЦИЯ

Комедия в двух действиях. Ролей – 2 муж., 2 жен.
Пьеса отмечена на конкурсе «Анти-Букер», в номинации «Три сестры».
Впервые была поставлена в антрепризе «Руссарт» (реж. Г. Шапошников, в ролях – А. Харитонов, А. Панкратов-Черный, Н. Егорова, С. Тома, И. Бочкин).
2015 год – новая редакция пьесы.

Настоящий американец Скотт Русецки и простая русская женщина Катя решили соединить свои судьбы. Оба недавно овдовели, и обоим кажется, что различия во вкусах и привычках совместному счастью не помеха. Тем более, что невероятная история их любви начинается у новогодней елки, в предрождественский вечер, когда так хочется ощутить тепло домашнего очага, порадоваться улыбке близкого и дорогого человека. Однако, любовное объяснение прерывается визитом неожиданных гостей – бывшего мужа Кати и бывшей миссис Русецки. В них заговорила ревность, и они явились с того света, чтобы разлучить наметившуюся интернациональную пару, развести ее «по понятиям»...

Из рецензий:

«...Дело в том, что обе супружеские пары, раскрывающие всю свою подноготную на сцене, обменялись партнерами. Но! Лишь два партнера из четырех — Скотт и Екатерина Ивановна, так сказать, “во плоти”. Вторая парочка — увы! — вернулась на этот вечер с того света: как и Дебора, Григорий стал жертвой аварии. Собственно, эта трагедия, а вернее, наличие автомобиля “Мустанг”, и послужило поводом для знакомства вдовы Григория с представителем автоконцерна Скоттом Русецки (фамилия—то какова! Недаром прадед родом из окрестностей Малой Арнаутской улицы)... Екатерина Ивановна в исполнении Натальи Егоровой — только на первый взгляд, бой-баба. Присущ ей и юмор искрометный, и неожиданная для такой “пышечки” грациозность, и знание Достоевского. Это, кстати, нюанс, за который драматургу отдельный поклон в пояс. Согласитесь, в современной комедии положений вдруг услышать фрагмент из “Преступления и наказания”, да настолько к месту, настолько мастерски исполненный — дорогого стоит...» Татьяна Крылевская, критик.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

КАТЯ

СКОТТ РУСЕЦКИ

ГРИГОРИЙ - почивший с миром супруг Кати.

ДЕБОРА - покойная миссис Русецки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В крошечной темноте подъезда Скотт Русецки пробирается к двери квартиры Кати. Подсвечивает себе дорогу зажигалкой. И, конечно, ругается по-английски.

Хозяйка не без опаски открывает незваному гостю. И так, она – веселая пышнотелая русская вдовушка в расцвете славянской красоты. А на пороге – импозантный худощавый американец средних лет.

Р У С Е Ц К И. Кисельный тупик, восемь, квартира два?

КА ТЯ. Да-да.

Р У С Е Ц К И. Госпожа Тихонова, если не ошибаюсь? Вас приветствует американская компания «Спорт – Мустанг» в моем лице. (Галантно целует руку растерявшейся хозяйке.) Скотт Русецки, вышеупомянутый.

КА ТЯ. Скот?

Р У С Е Ц К И. О, я знаю, мое имя не вполне прилично звучит по-русски... Вы давно за рулем?

КА ТЯ. Я... и водить-то не умею.

Р У С Е Ц К И. Позвольте... В письме, адресованном нашей компании, вы пишете... (Разворачивает письмо.) Вот! И какой же русский не любит быстрой езды!

КА ТЯ. Дошло письмецо! Федя так и говорил, они там все лохи! Проходите, плиз! (Увлекает гостя в комнату.)

Р У С Е Ц К И. И в особых случаях наша компания идет навстречу... так сказать, на личную встречу...

КА ТЯ. У нас это называется командировка по тревожному письму. Так вы - из самой Америки?

Р У С Е Ц К И. Стопроцентный американец. Чи-и-из!(Растягивает губы в голливудской улыбке. Катя все еще в легком замешательстве, поэтому гость переводит) Сы-ы-ыр!

К А Т Я. А, икра, водка, золото, соболя, революция...

Р У С Е Ц К И. Кока-кола, рад встрече! Итак – вы владелица автомобиля?

К А Т Я. Да, машину муж на меня записал, чтобы на нем ничего не висело.

Р У С Е Ц К И. Но в день аварии...

К А Т Я ...муж был за рулем. Но машиной я управляла...

Р У С Е Ц К И. О*кей. Мы тщательно изучили письмо, в котором вы сообщаете подробности того злополучного дня.

К А Т Я. Все так и было! В дерево, со всего разгону. Машина – в гармошку, а Григорий мой вылетел, метров двадцать пролетел, как ангелок, и мягко так приземлился.

Навсегда.

Р У С Е Ц К И. Далее вы и ваш сын обвиняете нашу модель в существенных недоработках, из-за которых, по-вашему, и произошла авария.

К А Т Я. Феденьке можно верить. Он в машинах с детства копается, бывало на последние деньги куплю ему, глядишь, через час уже разломал. Вам, наверно, свидетели нужны? Ну, аварии?

Р У С Е Ц К И. Нет-нет, руководство нашей компании доверило мне более приятное дело.

К А Т Я (себе). Неужто ремонт оплатят?

Р У С Е Ц К И (раскладывает на столе документы). Вначале – маленький презент лично для вас как владелицы нашей марки.(Вручает даме элегантный флакон духов.)

К А Т Я. Ой... Неудобно как-то... Новый Год уже прошел.

Р У С Е Ц К И. Но ведь завтра ваше Рождество?

К А Т Я (читает этикетку). Афтер дарк. А как перевести?

Р У С Е Ц К И. После наступления темноты... Для энергичных женщин, любящих помечтать.

К А Т Я. Как стемнеет, значит? Вот угодили, так угодили!

Р У С Е Ц К И. Это не все! Настоящие американские джинсы, удобные как наши автомобили! (Демонстрирует джинсы очень маленького размера).

К А Т Я. Это для Феденьки?

Р У С Е Ц К И. Лично вам! Дамский безразмерный фасон. Ткань - эластик. Так сказать, со спины...

К А Т Я. Резиновые?

Р У С Е Ц К И. Отнюдь. Отчасти... Я путаю эти наречия...

К А Т Я. Спасибо, спасибо, не стоило так беспокоиться. Ой, а что ж мы так сидим? Сейчас чайку...

Р У С Е Ц К И. Благодарю вас, но я еще не изложил главную цель моего визита.

К А Т Я. Успеется. (Убирает бумаги со стола и ставит чашки.) Знать, не каждый день с американцами чай гоняем. Вы давно у нас?

Р У С Е Ц К И. Несколько месяцев.

К А Т Я. А вас не на шпиона случайно готовили? (Гость удивлен.) Уж очень акцента мало. Русских в роду не было?

Р У С Е Ц К И. Мой прадед по линии матери - выходец из Одессы. Но он умер задолго до моего рождения.

К А Т Я. Надо же, и у меня бабка одна из тех краев.

Р У С Е Ц К И (вспоминает одесскую шутку). Посоветуйте, который час!

К А Т Я (подхватывает одесский говор). Так вы будете покупать или мне забыть вас навсегда? Может, мы с вами родня дальняя?

Р У С Е Ц К И. Не исключю-че-но! А язык я начал изучать еще, когда моя Деби была со мной, она мечтала побывать в России. Дебора, моя жена... полгода, как покинула этот мир...простите.

К А Т Я. А вы выпейте, выпейте, на сердце и полегчает.(Ставит на стол графин с водкой.)

Р У С Е Ц К И. А нет ли у вас водички?

К А Т Я. Водичка в речке, а до речки далечко.

Р У С Е Ц К И. Нет-нет-нет...

К А Т Я (наливает гостю водки). Да-да-да... Помянем их души грешные. Мой Григорий ведь тоже... полгода тому... в июне.

Р У С Е Ц К И. А Деби июльская.(Делает глоток и сильно кашляет.)

К А Т Я. Ну, вы русские обычаи не вдруг перенимайте. Что японцу суши, то немцу никогда не выпить.

Р У С Е Ц К И. Примите соболезнования.

К А Т Я. И я вам от души соболезную. Нестарый еще мужчина... один остался.

Р У С Е Ц К И (смутившись). Сын, я так понял, с вами проживает?

К А Т Я. Молодой еще, своего не нажил.

Р У С Е Ц К И(подсматривает в электронную записную книжку-словарь). А наши птенцы рано вылетают из гнезда. Видите, у меня здесь даже сравнения учтены.

Палочка-выручалочка. (Демонстрирует чудо-технику.) Нажимаю один раз – русский, два – парле ву франсе, три - шпрехен зи дойч.

К А Т Я. Ну и где осели ваши птенцы?

Р У С Е Ц К И. Дочь в Оклахоме в языковой коле, а сын в Йельском университете.

К А Т Я. Хоть видитесь?

Р У С Е Ц К И. На будущее Рождество обещали приехать. Просят со мной на испытания нового джипа по дорогам тайги.

К А Т Я. Для вас там и дороги проложили? (Снова наполняет рюмки.)

Р У С Е Ц К И. Нет-нет-нет...

К А Т Я. Да-да-да... А летом как отдыхаете? Дача, поди, на море?

Р У С Е Ц К И. А, вилла в курортной зоне? Нет, это дорого. Когда была жива Дебора, мы часто путешествовали. Она очень любила... как это...неожиданные маршруты. Закрывала глаза, кружилась вот так, а потом наугад пальцем в карту мира. Однажды две недели пришлось провести в Центральной Африке. Было жарко и мокро. Деби укусила муха, и ее долго потом трясло. Зато она сфотографировала белого носорога.

К А Т Я. Я тоже, как Гриша помер, решила в кои веки в отпуск съездить. К сестре, она под Мурманском живет. Заодно, думала, белых медведей поснимаю. Но там было так холодно, что я чуть замуж не вышла.

Р У С Е Ц К И. Так скоро?

К А Т Я. Это у нас поговорка такая. А дача наша километра три от станции, до колодца тоже не близко. Дым от плиты почему-то весь в комнату валит, зимой вообще холодина, на огороде что ни посади – соседи вперед меня выкопают, а все равно спасенье. Ленка когда к сыну приходит, я быстренько на дачу сматываюсь. Хочешь не хочешь...

Р У С Е Ц К И. А, Ленка есть гел-френд?

К А Т Я. Да, сама к нему приходит. Вторник- четверг, вторник – четверг. Я спрашиваю, когда поженитесь, а он: «Мама, ты ничего не понимаешь, у нас период адаптации». Не иначе, в космосе жить собираются. Насмотрелись на вас... Говорит, умные люди на Западе только так и поступают.

Р У С Е Ц К И. Все очень индивидуально. Я на своей Деби женился через три дня после знакомства, в Лас-Вегасе.

К А Т Я. А я Гришу два года из армии ждала. Честно сказать, меня никто особо и не сватал... Ну, давайте за любовь!

Р У С Е Ц К И. Минуточку... (Извлекает из дипломата коньяк.) С вашего позволения перейдем на это.

К А Т Я. А почему сразу не достали?

Р У С Е Ц К И. Видите ли, я не рассчитывал долго насиживаться, сегодня у меня еще одна встреча...

К А Т Я. Вот и купите по дороге.

Р У С Е Ц К И. Итак, уважаемая Екатерина Ивановна, наша компания дарит вам этот дискаунт, куда я сейчас впишу ваше полное имя...(Заполняет документ.) Будете приобретать следующий «Спорт – Мустанг»...

К А Т Я. Новую машину?! Батюшки! Дайте я вас от души расцелую! (Целует благодетеля. Затем внимательнее рассматривает бумагу.) Погодите, погодите! Я правильно поняла, это всего-навсего пятипроцентная скидка?

Р У С Е Ц К И. Наша компания предоставляет вам скидку при покупке нового автомобиля не на один, не на два, а на целых пять процентов!

К А Т Я. Ну да, если у меня найдется лишних восемнадцать тысяч триста шестьдесят долларов и мне решительно некуда будет их девать, то я возьму и прикуплю новенький «Мустанг», а тут и скидка пригодится в целых... девятьсот восемнадцать у.е.

Р У С Е Ц К И. Поразительно, вы это сосчитали в голове?

К А Т Я. У нас бухгалтерами только вундеркинды работают.

Р У С Е Ц К И. Я рад, что мы так хорошо друг друга поняли.

К А Т Я. Я-то вас поняла, а вот вы меня, похоже, не очень. У меня муж, кормилец, из-за вашего паршивого автомобиля на тот свет прямиком отправился! Кто у вас там напартачил? Опять, скажете, негры виноваты? Платить надо людям по-человечески! Думаете, раз русские, можно неликвиды втюхивать?

Р У С Е Ц К И. Послушайте, в торговой стратегии нашей компании шовинизм совершенно исключен. Я заявляю это как истинный англосакс!

К А Т Я. Легко же вы от деда-одессита отказались! У нас в Одессе этих англосаксов - видимо-невидимо!

Р У С Е Ц К И. В начале нашей беседы вы весьма опрометчиво назвали американцев лохами. Полагали, я не знаю этого слова. Но оно уже есть в моем словаре, и я вполне постиг его унижающий юмористический смысл! И прежде чем принять решение, мы связались с вашей автоинспекцией. Водитель – ваш муж – на момент аварии находился в стадии алкогольного опьянения! (Подсматривает в словарь). Был под парами! И дефекты двигателя здесь ни при чем!

КАТЯ. И вы поверили этим мздоимцам?

РУСЕЦКИ. Однако, руководство компании все же сочло возможным поощрить вашу семью...

КАТЯ. Это мы поняли. Дальше-то что?

РУСЕЦКИ. А что... вы хотите?

КАТЯ. Вам же Федя все написал. Страховку в пять тысяч на ремонт или новый автомобиль. И мне без разницы, как вы перед своими это обставите.

РУСЕЦКИ (лихорадочно нажимает кнопки словарика). Чушь собачья, нелепица!

КАТЯ. Лепится – лепится! А если моего сына прибьют завтра за эти пять тысяч, какие слова ты тут отыщешь?

РУСЕЦКИ. Весьма сожалею, но это ваши проблемы. Что... что вы себе позволяете? Отпустите меня!

КАТЯ. Извините, мистер, вынуждена тебя задержать. Беру вас в заложники. Посидите, подумаете...

Катя ловко пристегивает наручниками руку гостя к батарее.

РУСЕЦКИ (неумело сопротивляется). Позвольте, я американский гражданин, я неприкосновенен!

КАТЯ. Почему неприкосновенен? Потому что американский?

РУСЕЦКИ. Откуда у вас это? (Свободной рукой указывает на наручники.)

КАТЯ. Так я ж бухгалтером раньше в милиции работала. Списанный инвентарь.

РУСЕЦКИ. За что-о-о? За пять тысяч долларов?

КАТЯ. А вы разве не слышали: у нас убивают и за гораздо меньшую сумму! (Русецки в страхе оседает на пол.)

РУСЕЦКИ (свободной рукой достает телефон). О-о-о! Я позвоню на посольство.

Однако, “тюремщице” удается выхватить мобильный телефон, и она без сожаления опускает его в вазу с цветами.

КАТЯ. Я ведь за всю жизнь котенка не утопила, честное слово, у самой руки трясутся.

РУСЕЦКИ. Предлагали мне перед отъездом закончить курсы заложников, а я, дурак, отказался.

КАТЯ. Да вы не беспокойтесь, обращение обещаю самое лучшее, захотите пи-пи, говорите, не стесняйтесь, принесу вам ведро.

РУСЕЦКИ. И эти люди первыми полетели в космос! (Вытирает вспотевший лоб, пытается расстегнуть воротник рубашки. Хозяйка спешит ему на помощь.)

КАТЯ. Все из-за Феденьки, для себя я никогда бы... Связался с такими нехорошими ребятами. У Феденьки мечта всей жизни – автомобиль. Вот и подался в бизнес, будь он неладен. Покупал, продавал машины, потом занял-перезанял и таки наскреб на этот треклятый «Мустанг». Теперь вот пора отдавать должок пришла, а у него ни машины, ни денег. Я его спрашиваю: что теперь будет, сынок? А он: известно что, на счетчик поставят!

РУСЕЦКИ. О, Дебора, из-за тебя я выучил этот язык с шестью падежами и тремя родами! Из-за тебя я сейчас на краю гибели!

КАТЯ. Прямо, на краю! И пяти минут еще не посидели. А Феденька – вообще добрейший мальчик, просто жизни не знает. Он в мафии - человек случайный!

РУСЕЦКИ. Мафия?!

КАТЯ. Да и Гришаня там был сбоку припеку.

РУСЕЦКИ. Деби, я понял, тебе скучно, и ты зовешь меня к себе. Уже иду, darling.

КАТЯ. А вы не настраивайтесь на плохое, правда...

РУСЕЦКИ. Правда – ваше ключевое слово! А все кругом - лжецы и обманщики! Лентяи! Россия – это так красиво звучит, что и работать неохота.

КАТЯ. Это я-то лентяйка? Да я с пятнадцати лет, как не приходящая в сознание Золушка! У вас жена, наверно, не работала?

РУСЕЦКИ. Почему? Деби была убежденной феминисткой и работала из принципа. Час добиралась к месту службы, три часа сидела в каком-то офисе, потом еще час обратно. После обеда бассейн, аэробика, курсы скорочтения, живописи по стеклу... У нас в доме свободного окна не осталось. Но самое страшное – виолончель.

КАТЯ. А дети как же?

РУСЕЦКИ. Бебиситтер, пансион... Они и не запомнили ее толком. Деби считала, детей нужно приучать к самостоятельности с пеленок.

КАТЯ. Не очень-то, я вижу, вы любили свою жену.

РУСЕЦКИ. Очень, очень любил. Ко дню рождения всегда дарил ей украшения от дизайнера, у нас это дорого.

КАТЯ. А я все бусы из жеваного жемчуга хотела, а Гришаня ни в какую. Вот вставлю, говорит, зубы, тогда нажую. Так я без жемчугов и осталась. Хочешь, поплачь у меня на

плече. Поплачь, поплачь. (Гладит пленника по голове.) Вот мой Григорий, бывало, приползет домой на карачках, мелко-мелко так дрожит, а потом давай всхлипывать. Чтоб я, говорит, еще раз в жизни взял в рот эту гадость, пусть мне язык отсохнет, руки-ноги отвалятся, а через день опять напьется, и ну громы метать... зубы мне передние выбил. Скотина...

Р У С Е Ц К И. Это вы мне?

К А Т Я. Ой, у нас о покойниках плохо не принято. Вы не подумайте, я Гришу очень любила. (Ветер с шумом открывает окно и раскачивает занавеску.)

Р У С Е Ц К И. И я Дебору очень-очень любил. (Резкий скрип виолончели.)

К А Т Я. Конечно, любил, раз по ее капризу две недели в Африке на пальме просидел. Ничего, что я то на ты, то на вы?

Р У С Е Ц К И. Африка... Вся домашняя работа поровну! Даже посуду мыл через день в dishwasher, чтоб невзначай не допустить дискриминации. Плюс теплые слова. Если я два дня не говорил теплых слов, на третий к нам приходили консультанты по семейным проблемам. Вот уж кто... (подсматривает в словарь) суки так суки!

К А Т Я. Я тоже не любила, когда соседи вмешивались. Придут и, не разобравшись, на Гришаню накинутся. У вас, наверное, особые теплые слова принято говорить?

Р У С Е Ц К И. Не знаю. Как ты себя чувствуешь, дорогая, этим утром? Как блестят твои глаза, совсем как у Скарлетт Йохансон, когда та заводится. Как называется твоя новая стрижка? Эс-ка-па-да? Эс-та-ка-да? Очень секси. Спасибо за новую рубашку, которую ты подобрала мне на распродаже, на заседании коллегии все только на меня и смотрели. Овощной суп сегодня особенно удался. (Тяжело икает.) Открой, пожалуйста, секрет, что ты туда настругала. Снова новое платье и всего за полторы тысячи?

Согласен, это мелочь, но так приятно. И на все, на все нужно спрашивать разрешения. Дорогая, могу я себе позволить немного коньяка? Ты не будешь возражать, если я открою окно и выкурю сигару? А если сотру на зеркале в ванной твой пейзаж, чтобы побриться, это не оскорбит твоего творческого самолюбия? Знаю, я не достоин тебя, и все же осмелюсь спросить, могу я заняться с тобой любовью? Когда? В следующий вторник? Спасибо, любимая. Так могу или нет? Я сам что-нибудь могу?

К А Т Я (обнимает заключенного). Можешь, можешь. Что тебе в голову взбредет, то и ладно.

Р У С Е Ц К И. Какая вы умная! Я давно заметил – в России самые умные женщины.

К А Т Я. Станешь умной, когда в четвертом часу вваливается муженек и давай в доброго и злого милиционера со мной играть. Бывало, и с кулаками.

Р У С Е Ц К И. У нас физическое насилие преследуется законом.

К А Т Я. Стану я в четвертом часу закон беспокоить! Сама ему простышкой руки свяжу, полотенце с уксусом на лоб и баиньки. Баю-баюшки, бай-бай, муженек мой, засыпай...

Внезапные душераздирающие звуки виолончели разрушают лирический настрой интернациональной пары.

Р У С Е Ц К И. Опять? Деби, прости, я вовсе не намеревался тебе изменять!

К А Т Я. Да это соседи сверху, евроремонт делают. Над нашей комнатой как раз ванная разместится. Как амфибии будут плескаться.

Р У С Е Ц К И. Нет, это Деби! Я узнаю ее исполнение из тысячи. Полное отсутствие слуха. Когда она погибла, я выполнил ее волю и захоронил виолончель вместе с ней. Теперь она играет оттуда. Деби, ре бемоль!

К А Т Я. А ко мне Гришаня тоже однажды пришел. Сижу я как-то на кухне, а из комнаты явственно так его голос: «Кать, что-то ты давно пирогов не пекла, и воды будто жалеешь». Его последний год перед смертью жажда мучила. Я – так и обмерла вся. Потом вхожу в комнату: никого, только штора качается. Глянула на графин, а воды на доньшке! А был почти полный. С тех пор каждую неделю пироги пеку и воду свежую держу. Иногда пересчитаю пирожки утром – так и есть: одного- двух не хватает.

Р У С Е Ц К И. Вы такая заботливая. Как будет уменьшительное от Катя? Конечно, Катуша! Я не хочу, Катуша, чтобы у вас сложилось предвзятое мнение, будто моя Дебора была...

К А Т Я. Сущей мегерой? Ни-ни! И я не хочу, чтобы вы думали, будто мой Григорий...

Р У С Е Ц К И. Был дебошир и пьяница? (Копируя Катю.) Ни-ни!

К А Т Я. У меня еще вопрос про супругу. Вы сказали, ваша жена была феминисткой... Они что, против мужчин как таковых?

Р У С Е Ц К И. Я вам так отвечу: феминизм – это половой сальеризм.

К А Т Я. Да что вы! Так они мужиков изводят? (Пауза.) Я поняла, они делают мужчинам импичмент!

Р У С Е Ц К И. Да ну их ... Давайте вы еще раз хлопнете себя по бедрам как тогда, скажете “батюшки” и меня поцелуете. У них (показывает вверх) евроремонт, а у нас будет евросвадьба!

КАТЯ. Так то я думала, вы новую машину Феденьке... А теперь с какой радости?

РУСЕЦКИ (не на шутку перепугавшись). Нет-нет, вы, наверно, предположили, что я хотел проявить... не поймите меня правильно... сексьэл хэrrэсмент?

КАТЯ. Как?

РУСЕЦКИ. Когда мужчина дает понять женщине, что хотел бы иметь с ней секс, а она еще только собиралась ...

КАТЯ. Ну собиралась же?

РУСЕЦКИ. ... дать повод. В США за сэксьэл хэrrэсмент можно привлечь к ответственности.

КАТЯ. А как же я без этого хэрасмента пойму, что мужчине нужно? К слову, я сразу учуяла, когда вы мне духи преподнесли, что этим дело не кончится.

РУСЕЦКИ. Скажите... может, я вам не нравлюсь?

КАТЯ. Успокойтесь, в списке моих ухажеров вы в первой десятке. Потому что пока единственный.

Катя подходит совсем близко к Скотту. Усиливаются будоражающие звуки ремонтной сюиты для не настроенной виолончели.

КАТЯ (внезапно отстранившись). Постойте-ка! Мало вам, значит, наших дочерей, отдающихся за гроши, так вы и на матерей западаете? Я ведь для конкурсов красоты уже перестарок, так?

РУСЕЦКИ. В моей стране, между прочим, мужчины чаще выбирают себе в спутницы ровесниц, а не молоденьких.

КАТЯ. В спутницы это насовсем или так, вечер скоротать?

РУСЕЦКИ. Я ищу женщину, готовую встретить со мной сумерки жизни.

КАТЯ. Так вы к сватовству клоните? Я думала, только евросвадьба. Я сейчас!

Катя выходит и через минуту возвращается в нарядном, излишне открытом платье и новых неудобных туфлях. В руках - миска с пирожками.

КАТЯ. С этой стороны с мясом, а эти - с капустой.

РУСЕЦКИ. А, Гришаня не доел?!

КАТЯ. Туфли новые, жмут... Как вам... нью лук?

Р У С Е Ц К И. Если честно, французы говорят, платье не должно быть младше своей хозяйки.

К А Т Я. Все в порядке, мое старше!

Р У С Е Ц К И. Катюша, я все еще вами плененный.

К А Т Я. Ой, а я и забыла... (Как бы, между прочим, освобождает руку гостя.)

Гость присаживается к столу. Пробует пирожок. Испытующе смотрит на хозяйку.

Р У С Е Ц К И. Делишиз... Если вы, Катюша, не против, я готов жениться. (Пауза.)

К А Т Я. Берите еще, не стесняйтесь.

Р У С Е Ц К И. Вы не ответили.

К А Т Я. Даже не знаю... Замуж-то не в соседнюю область... Может, вы побольше о себе расскажете, какие у вас запросы по этой части...

Р У С Е Ц К И. Я неприхотлив. Только обещайте, что не станете потом еще толще.

К А Т Я. Я не толстая! Я женщина естественных пропорций! Лучше покачиваться на волнах, чем биться о скалы!

Р У С Е Ц К И. Если вы хотите обрести личное счастье в цветущем уголке Америки, то у меня есть выплаченный дом в Свит-Лэйк-Сити, по-вашему, в Сладкоозерске. На втором этаже четыре спальни, внизу гостиная тридцать шесть метров, кухня и столовая. По утрам я совершаю получасовую пробежку, съедаю кусочек ржаного хлеба с джемом и выпиваю чашку кофе с одной псевдотаблеткой сахара. У меня хорошая зарплата, два раза в году отпуск по две недели плюс больные дни.

К А Т Я. У мужиков? Больные дни? (Хихикает.)

Русецки очень смущен. Затягивается неловкая пауза. Жених не выдерживает и, прихватив свое пальто и дипломат, направляется к выходу. Возле самих дверей его настигает ответ.

К А Т Я. Я согласна!

Русецки - вне себя от нахлынувших эмоций - отбрасывает дипломат в одну сторону, пальто — в другую, и бросается к своей невесте. Обнимает.

Р У С Е Ц К И. В свадебном путешествии я бы хотел осмотреть Сибирь.

И в эту счастливую минуту ветер с шумом распахивает окно, по квартире гуляет сильный сквозняк. Слышно, как кто-то наливает воду из графина. Пьет. Ставит стакан.

К А Т Я. А, может... не будем торопить события? Слыхали? Будто воду из графина...

Р У С Е Ц К И. У вас навязчивая идея. Нужно раз и навсегда с этим покончить по методу доктора Скотта.

К А Т Я. Не родственник ваш, случайно?

Р У С Е Ц К И. Нет-нет, я Скотт по имени, а он в научном смысле. Сейчас я вас научу.

(Кладет перед Катей чистый лист бумаги.) Пишите. Первое. Душа моего покойного мужа Григория стала объектом колдовства. Я, соответственно, стала субъектом.

Второе. Хочу ли я своей смерти, чтобы воссоединиться с Григорием? А/ - хочу, Б/ - не хочу. А/ - я поощряла алкоголизм Григория, Б/ - я не поощряла.

К А Т Я. Сама никогда не наливала. Один раз под утро пришел и так просил, так молил! Я бутылку в шкаф с бельем спрятала. А ему до гибели меньше месяца оставалось. (Смахивает слезу.)

Р У С Е Ц К И. А правомерно ли ставить вопрос о виновности субъекта, если не известно, было ли насилие со стороны объекта? Значит, я не виновата.

К А Т Я. Знаете, я вам тоже кое-что надиктую, чтобы у вашей бывшей виолончель сломалась. Пишите. (Скотт берет чистый лист.) Как от стены отскакивает горох, как кошка отскакивает от собаки, как вода отскакивает от жаркого огня, так и ты, усопшая моя супруга, отскочи от меня раз и навсегда и не пили меня больше своей музыкой! Все, теперь это нужно обязательно сжечь.

Р У С Е Ц К И (откладывает ручку). Катюша, нам некого больше бояться. Я повторять свое предложение...

Скотт и Катя собираются скрепить свое решение поцелуем. В эту минуту из соседней комнаты раздаются гулкие шаги. Возможно, это вполне обычные человеческие шаги, но насмерть перепуганным жениху и невесте они кажутся шагами Командора. И действительно, в комнату входит Григорий. Походка, одежда – все как при жизни, когда он трудился автослесарем. Единственный потусторонний элемент в его облике – мягкие белые тапочки.

Катя с гостем отскочили в сторону. Они еле живы от страха, особенно заморский жених. Немая сцена.

Г Р И Г О Р И Й. Добрый вам вечерок! (Тишина.) Вот те на! Еще раз: добрый всем вечер!

Русецки и Катя по-прежнему хранят гробовое молчание. К ним подходит Гриша и выхватывает у насмерть перепуганного Скотта из рук листок с заклинаниями.

Г Р И Г О Р И Й. Ну, раз тут никого нет, то я буду как дома. (Присаживается и демонстративно кладет ноги на стол. Закуривает «Беломор», лихо высекая огонек трением спички о подошву.) Хай-фай спички! Ничего, если я закурю?

К А Т Я (придя в себя). Ты куда ноги задрал, скотина!

Катя с гостем потихоньку приближаются к Григорию.

Г Р И Г О Р И Й. Уже и скотина! Скотина-то – вот она! (Жест в сторону Скотта Русецки.) Здорово, мать! Ты вроде как не рада? Говорят, будто штат Арканзас положил на Тамбовщину глаз?

К А Т Я. Ноги убери со стола!

Г Р И Г О Р И Й (обращаясь к сопернику). А что, в Америке разве не так?

Р У С Е Ц К И (все еще в шоке). Это больше в кино...

Г Р И Г О Р И Й (указывая на Скотта). Первый в мире Джемс Бонд- неудачник, видели такое кино? Ты на что тут мою Катерину подбивал? (Читает листок с заклинаниями.) А/ - хочу, Б/ - не хочу. С нашим женским контингентом так нельзя! Ты эту черную магию брось!

Р У С Е Ц К И. Вы... вас не должно быть! Это невозможно...

Г Р И Г О Р И Й. Не должно быть... А про научные законы на вашей заимке слышали? Если ты нашел подкову на счастье (жест в сторону Кати), значит, кто-то откинул копыта! (Бьет себя в грудь.)

К А Т Я. Гришаня...

Г Р И Г О Р И Й. Что, моя рыбонька?

К А Т Я. А ... тебя надолго... отпустили?

Г Р И Г О Р И Й. До первых петухов.

КАТЯ. И...хорошо добрался?

ГРИГОРИЙ. Удачно. Без пересадок!

КАТЯ. Боюсь и спросить... на чем?

ГРИГОРИЙ. Так гравитация, душа моя, гравитация! (Для демонстрации земного притяжения роняет стакан, успевая его поймать у самого пола). Опа! (Подмигивает Кате.) Помнишь ли ночки, ночки бессонные... Дай, думаю, спущусь, посмотрю, с кем это моя Катерина связалась.(В зал.) Мужики, вон, меня поймут и поддержат. Хоть бы раз для меня так нарядилась! Не успеешь очочуриться...

РУСЕЦКИ (щелкает зажигалкой, пытается отобрать у Григория листок). Отдайте, пожалуйста!

ГРИГОРИЙ (прячет листок в нагрудный карман). Расскажи-ка лучше, как ты тут жену мою обхаживал, гидра империализма?

РУСЕЦКИ. И все-таки позвольте! Катюша - больше не ваша жена! Произошла естественная ротация!

ГРИГОРИЙ (резко встает). Что у вас тут произошло?!

КАТЯ (успокаивая). Гриша, ничего не было!

РУСЕЦКИ. У вас... то есть у духов... привидений... не бывает жен!

ГРИГОРИЙ. Вижу, не силен ты, брат, по этой части. (Стучит пальцем по своей голове, как по стакану.) Браки как раз и заключаются на небесах! (Свистит.) Деборка! Кам ин! Кам сюды, милая! Я тебя со своей бывшей познакомлю.

Скрип виолончели. Затем устрашающие звуки шагов. И вот на пороге бывшая миссис Русецки. Одета Дебора, как и подобает феминистке – смело, авангардно. На ногах – красные туфли-лодочки.

РУСЕЦКИ (едва не свалившись со стула). Ах, ты роза с Привоза! Извините, корни...

ДЕБОРА (с сильным акцентом). Вау! Ты не говорил, она такая старая!

КАТЯ. Дура! Лучше быть старой, чем мертвой!

ДЕБОРА. И совсем некрасивая...

КАТЯ. Ты красотой мир тоже не спасешь! В зеркале давно себя видела? Или ты там не отражаешься?

ДЕБОРА. Я часами смотреть на себя в зеркало: умная, красивая, деловая! В одежде я выгляжу чуть похуже.

РУСЕЦКИ. Деби? Ты тоже говоришь по-русски?

ДЕБОРА. Григорий не любит англиш. А я лублу Григорий!

РУСЕЦКИ. Ты живешь там... (указывает на небо) с этим ... Распутиным?

ДЕБОРА. Когда мы познакомились, я думала, Григорий есть мужик. (Радостно.) Но он оказался еще хуже!

РУСЕЦКИ. Катюша, позволь тебе представить: Дебора, моя бывшая жена.

КАТЯ. Я поняла. (Деборе.) Садись. Только ноги на стол не задирай.

ДЕБОРА (присаживается). Это для тебя я была просто жена, а для него – без-рас-суд-на-я с-т-расть!

ГРИГОРИЙ (Русецки). Да, доложу я тебе, Деборка твоя, ничего не скажешь, классный бабец!

РУСЕЦКИ. Вы... что, собственно, имеете в виду?

ГРИГОРИЙ (хлопает Русецки по плечу). Да брось, я ж по-родственному. Вы тут, помнится, собирались...

РУСЕЦКИ. А, вы тоже интересуетесь спиритизмом?

ГРИГОРИЙ. Нет, теперь только сухое и пиво. Я вообще теперь малопьющий.

(Поет.) Я пью – все мне мало...

Катя первой сообразила, как можно разрядить обстановку, и выставила на стол недопитую бутылку коньяка.

ГРИГОРИЙ. О! Комарики-лягушки, выпьем бормотушки!

КАТЯ. Американский коньяк, между прочим.

ГРИГОРИЙ. Я ж говорю — бормотуха. Выпьем и не струсим – редечкой закусим.

РУСЕЦКИ (со словарем). Пропустим по рюмочке...

ГРИГОРИЙ. Ну, ты можешь и пропустить... (Потирает руки.)

КАТЯ. Тебе как теперь наливать, Гришань?

ГРИГОРИЙ. А ты что, краев стакана не видишь? (Русецки.) А тебе как, любитель коктейлей? Взболтать? Или смешать? (Делает пасы с бутылкой перед лицом гостя.

Разливает коньяк.)

ДЕБОРА. Теперь говорить тост. Каждый!

ГРИГОРИЙ. Ну, давай, мистер, за жен! Как говорится, красивая жена – слепому радость!

КАТЯ. Господи, если ты есть, прибери его обратно.

ДЕБОРА. Чтобы у Бога почаще случались бессонные ночи! (Напевает.) Помнишь ли ночи, ночи бессонные...

ГРИГОРИЙ. Чисто американский тост. Дринькнем!

РУСЕЦКИ. Чисто русский тост. Даувай уипьем!

Все пьют.

КАТЯ. Как живешь-то там, Гриш?

ГРИГОРИЙ. А хорошо живу. Грех жаловаться. На всем готовом... Раз в месяц на Землю отпускают, иногда можно и в самоволку. Только вот на права каждый день сдаю. Там и с Деборкой сошлись. Она уже двести четвертый раз сдает.

РУСЕЦКИ. До того, как разбиться, она тоже четыре раза сдавала. Прости, Деби, я думал, у тебя интрижка с инструктором.

ДЕБОРА. Гнусный, подозрительный ревнивец!

РУСЕЦКИ. Деби, побойся Бога!

ДЕБОРА. Еще чего! У меня с ним прекрасные отношения.

КАТЯ. И ты, значит, тоже накоротке?

ГРИГОРИЙ (встает, поправляет воображаемый галстук, как при встрече с высоким начальством). Здороваемся. Но не разговариваем.

КАТЯ. Ясно. А без телевизора как же, Гришань?

ГРИГОРИЙ. Есть! Жалко - всего две программы. По одной круглосуточно дорожный патруль, по другой — автогонки.

КАТЯ. Не жизнь, а малина.

ГРИГОРИЙ. Да. Одни воскресенья. Правда, недавно Эйнштейн с Фрейдом подняли вопрос о субботах, будут дебаты.

КАТЯ. У вас там и собрания?

ГРИГОРИЙ. А как же. Кворум в законе. Одно плохо...

КАТЯ. Только сухое и пиво?

ГРИГОРИЙ(сокрушенно). Не понимают они этого. Зачем, говорят, напиваться вусмерть, если ты уже и так умер? Святые, что с них взять. Ну, давайте, после первой... (Разливает коньяк.)

ДЕБОРА. А теперь за что?

КАТЯ. За мужей. За хорошим мужем – и индюшка как пава.

ДЕБОРА (Григорию). Я – индюшка? Жена индюк? До чего люди обнаглели!

Г Р И Г О Р И Й. Люди - они и есть люди. Ну... может споем? Люди, вы как?

Р У С Е Ц К И. А нужно петь?

К А Т Я. А как же! У вас какие песни за столом поют? Ладно, я начну, а вы подпевайте. (Громко затягивает народную песню.) Виновата ли я, виновата ли я, виновата ли я, что люблю... Ну, вы этой не знаете, давайте другую.

Д Е Б О Р А. Это очень громкий! Я знать такой лиричный русский пэсня. Мэхо. Гришаня научиль.

К А Т Я. Мэхо?

Г Р И Г О Р И Й. Тихо! (Григорий пробует голос.)

Покроется небо... Пылинками звезд,
И выгнутся ветки упруго.
Тебя я услышу за тысячи верст:
Мы – эхо,
Мы – эхо,
Мы – долгое эхо друг друга...

Гришаня обнимает бывшую супругу Катю, а Русецки – Дебору.

И даже в краю напозающей тьмы,
За гранью смертельного круга
Я знаю, с тобой не расстанемся мы:
Мы – память,
Мы – память,
Мы – звездная память друг друга.

Г Р И Г О Р И Й. Эх... Хорошо сидим! Только гость наш какой-то невеселый. Или компания не по вкусу? (На правах хозяина обнимает Русецки.)

Р У С Е Ц К И. Вам не понять мои чувства. Вы ведь не знаете, каково это – потерять жену.

Г Р И Г О Р И Й. Знаю. Это практически невозможно. Вот я со своей – двадцать с лишним лет отрубил, с твоей уже полгода срок мотаю. Деборка, ты поговори пока с Катериной, насчет готовки порасспроси.

К А Т Я (Деборе). Ты что же, не кормишь его совсем? Не пойму я вас, феминисток.

Д Е Б О Р А. Феминистка? (Указывает на бывшего супруга.) Он называть меня феминистка всякий раз, когда я говорю то, что не соответствовать роли домашний половик! (Бросает на пол салфетку и демонстративно вытирает ноги.)

К А Т Я. Вон оно что... И об нас тут ноги вытирают. Погоди, мой тебе еще устроит... райскую жизнь.

Г Р И Г О Р И Й. Ну, все, спелись. Выпьем, бабоньки, за любовь, а то вы у меня договоритесь.

Компания пьет молча. Для Григория с непривычки третий тост оказывается явно лишним, и он склоняет голову на плечо бывшей супруги.

К А Т Я. Может, ты еще и приляжешь?

Г Р И Г О Р И Й. Размечталась! А что у нас с закуской, Катя? Это все?

К А Т Я. Милуешься там с этой, а обедать будешь сюда наведываться?

Г Р И Г О Р И Й (разводит руками). Привык. Гамбургера – не идут. Попробуй только улизнуть к нему на Техасчину! За могилкой кто присмотрит? Кто мне стопочку нальет с кусочком хлебушка? Стыдись, распутная!

К А Т Я. Я, между прочим, свободная женщина с той минуты как ты...

Г Р И Г О Р И Й. Склеил ласты? А вот это ты видела? (Показывает кулак.) Не перепились еще на Руси богатыри!

К А Т Я. Так что, я пожизненно... посмертно обслуживать тебя должна?

Р У С Е Ц К И. Вы есть конченный эгоист! Отпетый апологет домостроя!

Г Р И Г О Р И Й. Да, я конченный и отпетый. Но вот дальше ты какое слово сказал? Аполо... Ну-ка повтори!

К А Т Я. Григорий!

Г Р И Г О Р И Й. Пусть он повторит!

Р У С Е Ц К И. Мне не понятен ваш пыл дознания...

Г Р И Г О Р И Й. Сейчас поймешь! (Хватает Русецки за воротник.) Буржуазная контра!

Р У С Е Ц К И. Адепт утопии!

Г Р И Г О Р И Й. Опять?! Ну, сейчас мы поговорим тет-на-тет, Америка! Запомни: будете наших баб за море сманивать, мы вам устроим... (одной рукой продолжает удерживать Русецки, другой достает пачку «Беломора») Балтимор-канал!

Д Е Б О Р А. Остановись, мой царственный избранник! Мой рыцарь духа, повелитель чув-с-т-в!

Г Р И Г О Р И Й (отпускает гостя). Слыхали? Это все — про меня! (Русецки.) Молись за нее! Что, струхнул мужик? Твое счастье, что я жду от бога амнистии. (Кате.) Гляди, Катерина, намаешься ты с ним.

Р У С Е Ц К И. Я не струхнул. Я желаю знать, что вам собственно нужно? Прайвэси! Это наша частная жизнь! Кто вам дал право?

Г Р И Г О Р И Й (указывает пальцем в небо). Так что тихо. Ша! Мы не едем в США.

Р У С Е Ц К И. Как не едем?

Г Р И Г О Р И Й. Сейчас я вас живо... разведу по понятиям.

Р У С Е Ц К И (подглядывает в словарь). Ты фильтруй базар, братан!

Скотт сам пугается своей смелости. Григорий такой сленг оценил. Он увлекает Скотта в сторону, и они садятся друг перед другом, выбросив пальцы, как бывалые зэки для серьезного разговора.

Г Р И Г О Р И Й. Крутой, да? Поговорим... А ты знаешь, что самая быстрая вошка первой на гребешок попадает?

Р У С Е Ц К И (с помощью словаря). У вошки – ножки в сапожках, а у гребешка – сальца на два вершка и один зубец обломатый!

Г Р И Г О Р И Й. Вглубь, значит, копаешь? Записывай в свой наноблокнот или лучше запоминай! У нас первая и главная поговорка: всякому безобразию – свое приличие.

Понял меня, ходок колорадский?

Р У С Е Ц К И. Вы сейчас меня оскорбляете! А слово – не воробей...

Г Р И Г О Р И Й ...вылетит, береги скворечник! Это вторая поговорка. И третья, как шутил наш участковый, убийство – драке не помеха.

Р У С Е Ц К И. А сейчас вы меня недооцениваете! Я могу за себя постоять! И за Катю!

Г Р И Г О Р И Й. А по делу? Катерине страховку когда выплачивать собираешься? Чай, не чужая теперь!

Р У С Е Ц К И. Видите ли любезный... В США очень непопулярна... (подглядывает в словарь) политика протекционизма и кумовства. Став близким родственником Катуши, я тем более не смогу ходатайствовать перед компанией по ее необоснованной просьбе.

К А Т Я . Необоснованной?

Г Р И Г О Р И Й. Катерина, опомнись! Он казенных денег для тебя жалеет!

А уж своих ни копейки не истратит!

РУСЕЦКИ. Катюша, не поддавайтесь! Это провокация. Да, я не люблю сорить деньгами, но для вас я открою отдельный счет, будете покупать, что вам вздумается.

ДЕБОРА. Лжа! Большой лжа! Каждую неделю он будет проверять твой чековый книжка! Однажды я купил обалденный шляпка из перьев быстроногий большой птица...

РУСЕЦКИ. Я только заметил, что это непрактично! Ты надевала ее всего один раз.

ДЕБОРА. Он все, все записывать! Я нашла твой черный блокнот!

У Деборы в руках фантастическим образом оказывается черный блокнот, и она листает его перед удивленным супругом.

ДЕБОРА (указывает в блокнот). Вот, чулки от Донны Каран!

РУСЕЦКИ. Они же одноразовые, а стоят, как чехлы от ракет!

ДЕБОРА. Боди от Дольче и Габбана!

Русецки хватается за голову.

ДЕБОРА. Да! В этом боди меня арестовать полиция, но сразу отпустить! А знаешь, почему? Тебе сказать?

КАТЯ (качая головой). Прислугу, небось, сразу рассчитаете?

ДЕБОРА. Прислуга? Не смешить меня! Я быль прислуга!

РУСЕЦКИ. Я научу вас пользоваться бытовыми приборами! Посильная работа по дому не будет мешать вашему духовному развитию!

ГРИГОРИЙ. Да он тебя так запряжет, не будешь знать ни сна, ни отдыха!

ДЕБОРА. Он будет все решать за вас!

РУСЕЦКИ. Решения будем принимать коллегиально.

КАТЯ. А обращаться ко мне как будешь: как к коллеге или как к жене?

РУСЕЦКИ. Как положено. Ханна. Значит “медовая”. Вам не нравится?

КАТЯ. Меду много не съешь...

РУСЕЦКИ. Увидите, у нас будет гармоничная жизнь и полноценный секс!

ГРИГОРИЙ. А, “Основной рефлекс”?

ДЕБОРА. Лжа! Для полноты сексуальной жизни Скотту нужны красные лаковые лодочки тридцать шестого размера и не нужен женщина! А у тебя, Катя, болшой лапа!

Дебора ставит свою ногу рядом с Катиной для сравнения.

Д Е Б О Р А. Вот! Как у вас говорят — без шансов!

Р У С Е Ц К И. Один раз я тебя попросил их надеть! (Кате.) Надеюсь, вы ей не поверили?

Г Р И Г О Р И Й. Он тебя всю вареньем обмажет, поперчит и за девять с половиной недель по кускам сожрет!

Р У С Е Ц К И. Я же говорил, это только в кино!

Г Р И Г О Р И Й. Маслицем польет, чесночком для большего вкуса натрет...

К А Т Я. Помолчи, Гриш, без тебя разберусь!

Р У С Е Ц К И. Я понял, Катюша, зачем они явились! Они хотят нас разлучить!

Ничего не выйдет! Катя – женщина моей мечты! (Обнимает Катю.)

Д Е Б О Р А(игриво). В Лас-Вегас ты говорить мне те же слова. Помнишь?

Р У С Е Ц К И. Деби, прикуси язык!

Д Е Б О Р А. Да если бы не мой проворный язычок... (Скотт в шоке.) А вот она ради тебя инглиш не выучит!

К А Т Я. Нашим женщинам незачем учить иностранные языки! Все, что нужно, они могут сказать глазами!

Г Р И Г О Р И Й (Кате). Ты сколько его знаешь? Три часа? Он и Деборку за три дня окрутил, это у него манера такая. На скорую руку да на долгую муку. А потом девять с половиной недель не мог...(шепчет Кате что-то на ушко.)

Р У С Е Ц К И (Григорию). Что...что вы себе позволяете? (Кате.) Катя, я – на андропике!

К А Т Я. Где?!

Г Р И Г О Р И Й (Кате). Ишь! Неугомонный робот-андроид! (Скотту.) Как мужик мужику – она ж у тебя за столько лет даже не вскрикнула ни разу.

Р У С Е Ц К И. Я не желаю обсуждать с вами сексуальные нормы моей бывшей жены!

Г Р И Г О Р И Й. А я желаю!

Р У С Е Ц К И. Готов спорить, вот так, без предварительных тестов, вам ни за что не отыскать ее эрогенные зоны!

Г Р И Г О Р И Й. Мужик! (С блатной эковской интонацией.) Я зону чую на расстоянии! Деборка, давай!

Звучит зажигательная мелодия. Под изумленными взглядами Кати и Скотта Русецки Гришаня приглашает Дебору на эротический танец. Танцуя, он поднимает хрупкую Деби на руки...

Катя пытается повторить их телодвижения со своим партнером. Получается неплохо, но вот на руки поднять ее фигуристское тело Скотт никак не может. Тогда Катя встает на стул и пытается взгромоздиться на хрупкого жениха...

А Григорий и Дебора уже направляются в спальню...

К А Т Я (в зал, указывая на обнимающуюся парочку). Антракт...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Русецки и Катя напряженно прислушиваются.

К А Т Я. Тихо... Не заснули они там?

Р У С Е Ц К И. Ну и пусть им будет хорошо. Какое нам, в сущности, до них дело?

К А Т Я. Вы себя уговариваете или меня?

Р У С Е Ц К И. У Сальвадора Дали была русская жена Гала. Я всегда ему завидовал. Теперь у меня будет свое секретное оружие - Катуша. Паф-паф-паф! Ты могла бы меня убить? Что ты вообще собиралась со мной сделать?

К А Т Я. Военная тайна.

Р У С Е Ц К И. Заложник любви... это красиво звучит по-русски? Я понял, чему ты улыбаешься. Хочешь сказать, заложник денег?

К А Т Я. Это ты сказал, я молчала.

Р У С Е Ц К И. Африка что... благодаря вам, Катуша, я испытал столько новых ощущений...

К А Т Я. Видишь, мы тоже гуманитарную помощь оказываем... братским народам.

Р У С Е Ц К И. Подобный шок я пережил только один раз, когда в Париже столкнулся в дверях с Катрин Денев. Она выходила от "Максима", а я собирался войти. Я до того растерялся, что сказал ей по-русски «здравствуйте, голубушка», представляете? Не бонжур, мадам, не гуд ивнинг...

К А Т Я. И у меня похожий случай был. Пошла однажды в лес за грибами, смотрю, на пеньке один наш известный артист сидит, он еще разведчика играл. Я к нему сзади

тихонько так подошла и обняла. Много ль опят набрали, спрашиваю. Он чуть не умер, бедняга. Скотюшка?

Р У С Е Ц К И. Аюшки?

К А Т Я. А ты меня беречь будешь?

Р У С Е Ц К И. Катуша, у нас модно быть хорошим.

К А Т Я. А “Синяя Борода” случайно не ваша сказка?

Р У С Е Ц К И. Французская.

К А Т Я. Нет, за француза я не пошла бы. Больно ветреные.

Р У С Е Ц К И(глядя в словарь). За мной вы будете, как за каменной стеной, как мужчина я уже состоялся.

К А Т Я. Вот за это спасибо, а то у наших авторитет от природы, чем бы ни занимался, хоть вышивкой.

Внезапный крик из спальни заставляет ее вздрогнуть. Григорий выкрикнул единственные доступные ему английские слова – ес, ес...

Р У С Е Ц К И. Послушайте, чем мы, собственно, хуже их? Для этого не обязательно умирать!

К А Т Я. Да не могу я, когда он там с этой...твоей... Экий вы... как там по-вашему – плейбой.

Р У С Е Ц К И. В этом слове нет ничего зазорного.

К А Т Я. Одно позорное.

Р У С Е Ц К И. Я знаю, у вас не принято вслух обсуждать интимные вопросы. А на Западе это в порядке вещей. Хотите, задайте мне любой, самый интимный вопрос.

К А Т Я. Не буду я допытываться.

Р У С Е Ц К И. Видите – вы смущены. А я вам все равно скажу: аденомы нет. А хотите, я вам зубы новые оплачу? Правда, здесь совершенно нечего стесняться.

К А Т Я. Не хочу. Вы ведь ничего просто так не делаете. Как это будет по-вашему...

Р У С Е Ц К И. Взэ из зэ профит? В чем так сказать выгода?

К А Т Я. Точно. Вот у нас, у русских, даже понятия такого нет! Оно есть, но, как бы, с нехорошим оттенком: корысть, барыш, нажива... Плохие слова, понимаешь? Ничего ты не понял. Как бы нам теперь по-хорошему... разойтись с этим делом?

Р У С Е Ц К И. Разойтись? Уже?

КАТЯ. Я имела в виду те пять тысяч... ну, страховку... Не смотрите так! Где мне взять денег, чтобы спасти сына? Все уже давно заложено-перезаложено. Посоветуй, если ты такой умный.

РУСЕЦКИ. Я понял, что с вами происходит. Мой психоаналитик объясняет это просто: вы забываете вовремя менять требования на предпочтения.

КАТЯ. Ты сам-то понял, что сказал? Расскажи-ка лучше, хороший человек, отчего твоя жена так рано на тот свет отправилась? Что-то ты не договариваешь.

РУСЕЦКИ (заметно растерявшись). Я говорил, она трагически погибла. Ехала на свой музыкальный урок и не справилась с управлением...

КАТЯ. Ехала на одном из ваших «Мустангов», так? Страховку сполна получил?

РУСЕЦКИ. Это нормально.

КАТЯ. О! Ты и меня за руль своего драндулета усадишь, чтоб потом денежки получить! Вот из чего стартовый капитал складывается!

РУСЕЦКИ. В Америке, Катуша, достаточно легальных способов для развития своего бизнеса. Кроме того, настоящий американец еще в молодости старается изобрести уникальную резинку для носков или специальный ножик для разрезания пиццы, получает патент, открывает собственное дело и работает на себя.

КАТЯ. А ты?

РУСЕЦКИ. Я работаю на компанию.

КАТЯ. Что ж так оплошал?

РУСЕЦКИ. А я ... не совсем настоящий.

КАТЯ. Как так?

РУСЕЦКИ. Я не хочу изобретать резинку, не хочу больше зарабатывать, чтобы больше тратить, не хочу больше напряжения! Что превыше всего ценят настоящие, а не железные мустанги, которые еще водятся в пустынях Юты и Вайоминга? Свободу. Одомашненная лошадь – это опущенная голова и отчаянные глаза. Мустанг должен быть свободен, как ветер! Я не смотрю фильмы про ковбоев. Знаете, как раньше истребляли мустангов? За ними гнались на джипах, и первыми не выдерживали состязания с мотором жеребные кобылицы и жеребята. А самым быстроногим набрасывали на шею лассо с привязанной на конце автопокрышкой. Затем связывали и тащили на живодерню, где из них делали собачьи консервы. Бизнес, бизнес! Я устал, у меня не все о*кей! А у нас нельзя жаловаться на жизнь даже в реанимации. Кто не выдержит и застонет, люди в белых халатах отключают кислород.

КАТЯ. И мне всю жизнь казалось – ну еще немного, руку протяни – и вот она, удача.

Р У С Е Ц К И. Тщетное ожидание и ведет к стрессу, так говорит мой психоаналитик. А у меня внешне все правильно, все хорошо. Я стараюсь не роптать, чтобы не нарушать конституцию. Но это мое счастье, словно из супермаркета. У соседа слева и у соседа справа на нашей улице точно такое же!

К А Т Я. Тише-тише, я поняла. Хорошо только там, где нас нет.(Поднимает глаза к небу, затем косит на соседнюю комнату.)

Р У С Е Ц К И. У меня уже нет возможности изобрести резинку, разве что, напишу книгу «Невероятные приключения американца в России», и она станет бестселлером. У нас из любого сугубо личного события принято делать бестселлер. Слышите? Вы слышите, они приближаются! (В отдалении слышен топот множества лошадиных копыт, тревожное ржание, выстрелы.) Дайте мне, пожалуйста, воды, скорее! Воды! (Резкий скрип тормозов и тишина. Скотт запивает водой таблетку. Неловкая пауза.) Рекомендую. Новейшее средство против навязчивых рефлексий.

К А Т Я. Это чтобы совесть отключить?

Р У С Е Ц К И. Я тут наговорил лишнего... Вы не должны сомневаться, я – настоящий американский американец.

К А Т Я. А в книге... которую будете сочинять, и про меня напишете?

Р У С Е Ц К И. Обязательно.

К А Т Я. Так вы – писатель? А я думала, только машины продавать умеете.

Р У С Е Ц К И. Ваш сын на себе испытал, как это легко.

К А Т Я. Феденьку не трожьте. Еще не женились, а уже ребенком попрекаете. Тридцать шесть метров, говорите, гостиная в вашем коттедже на отшибе? А у нас вся квартира тридцать четыре, ну и что? Отдыхать на Канары с канарейками! У нас вон земля Франца-Иосифа есть с Францами и Иосифами! Ишь, как загорелся! Да, мы единственная страна в мире, где женщина – еще друг человека. А ты хочешь уникальный подвид за так получить? Живо гони Феденьке калым за меня! Сам подумай, каково ему придется без матери в двадцать...потом тридцать... а уж в сорок лет!

Р У С Е Ц К И. Калым? У нас нет такого слова... (Справляется в словаре.) А, это нарушение свободы демократического выбора супруга. Я отказываюсь поддерживать этот варварский первобытный обычай.

К А Т Я. Духи, значит, подарил и все, можно ноги на стол?

Р У С Е Ц К И. Да не кладу я ноги на стол. С чего вы взяли?

К А Т Я. Можешь положить все четыре ноги!

Р У С Е Ц К И. Вам не понравились духи?

К А Т Я. Моча американская!

Р У С Е Ц К И. Зря вы их хулите.

К А Т Я. Хули... что?

Р У С Е Ц К И. Американские товары высочайшего качества. Посмотрите на свой ассортимент, что у вас есть ценного, кроме льна, пеньки и русских женщин?

К А Т Я. У нас есть великая русская литература! Наша литература лучше чем кока-кола, буги-вуги и прочий джаз, и уж лучше, чем секс, которым вы тут пытались мне мозги запудрить. (Хватает с полки книгу, открывает наугад) Вот, послушайте. «...Он вдруг вспомнил слова Сони: «Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и перед ней согрешил, и скажи всему миру вслух: «Я - убийца!» (Скотт испуганно отстраняется.) Он весь задрожал, припомнив это. И до того уже задавила его безысходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения. Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю с наслаждением и счастьем». Это Достоевский. Вот как люди мучаются, вот как грех свой изживают! А вы к докторишке за плату жаловаться бегаєте.

Р У С Е Ц К И. Вы так и не позволили мне договорить, собственно, насчет денег... Я не могу ограбить собственную фирму, не могу заплатить вашему сыну калым, но я могу подарить эту сумму лично вам, как частное лицо.

К А Т Я. Просто подарить? Нет-нет... такой дорогой подарок я принять не смогу.

Р У С Е Ц К И. От чистого сердца. Если вашего сына завтра, как вы говорите, поставят на счетчик, я буду чувствовать дискомфорт.

К А Т Я. Такое небольшое неудобство?

Р У С Е Ц К И. Ведь вам только от мафии откупиться? А дальше он будет своим умом жить и зарабатывать.

К А Т Я. Нам подачки не нужны.

Р У С Е Ц К И. Сумма немалая!

К А Т Я. Вот после этих слов точно не возьму! Дорогая к обеду ложка, а к инфаркту неотложка.

Р У С Е Ц К И. Это на вас русская литература так подействовала? Мне говорили, это как местная марихуана. А, знаете, я сейчас открою вам один секрет, и вы согласитесь.

Ваш сын так интересно проанализировал устройство двигателя, что вашим письмом

всерьез заинтересовались в проектном отделе. Это достойно материального вознаграждения.

КАТЯ. Ага, мы вам на миллион экономии, а вы пятью тысячами откупиться хотите?

РУСЕЦКИ. Вы сейчас торгуетесь, не зная истинной стоимости предмета!

КАТЯ. А у нас так испокон веку. Всегда мы себе цены не знали.

РУСЕЦКИ. Вам так трудно принять эти деньги?

КАТЯ. А почему вы решили, что это легко?

РУСЕЦКИ. Поверьте, я искренне хотел вам помочь. Хотя, например, у нас в

Америке ценится, когда люди умеют собственными силами выпутываться...

(подсматривает в словарик)...из дерьма. (Извиняюсь.) Тут так написано.

КАТЯ. Да заберите ваши деньги! Заберите, заберите! (Швыряет в гостя разложенные на столе бумаги.)

Мистер Русецки медленно подбирает документы.

КАТЯ. Ведь я уже почти согласилась. Что теперь будет с Федей, с моим сыном?

РУСЕЦКИ. Возможно, он перестанет сочинять письма и займется делом.

КАТЯ. Он же не всерьез...

РУСЕЦКИ. Вы все тут шутники. В шутку нацепили на меня эти браслеты, ради смеха согласились вступить со мной в брак.

На пороге возникает Григорий со своей небесной суженой.

ГРИГОРИЙ. Так-так-так... Вижу, намечается неразделенка... А может, примешь подарочек, а, Катя?

КАТЯ. О! Защитник объявился! В гробу я тебя видала, ясно!

ГРИГОРИЙ. Катерина, попрошу без грубости! Это запрещенный прием. Я вам, мистер, тоже один секрет открою...

РУСЕЦКИ. Я весь внимание.

ГРИГОРИЙ. Ты будешь смеяться, но я в березку тогда въехал не из-за банки пива.

Я не чайник какой! Свинья дикая на дорогу выскочила, а за ней целый выводок полосатых свинтусов!

РУСЕЦКИ. О, семья свиней...

ГРИГОРИЙ. Пожалел я их... Вот и вся история.

РУСЕЦКИ. Гриша... вы тоже будете смеяться... У меня таких писем, как ваше, еще три надо обойти... только в вашем районе.

КАТЯ. Вот и идите подобру-поздорову.

РУСЕЦКИ. Я понял, почему на вас никто не женился, пока Григорий в армии был.

КАТЯ. Понял – и хорошо. А то сильно много хотите: и жену русскую, и инженерные мозги за бесценок. Каждому, как говорится, свое: вам – в тупик процветания, а мы и так в Кисельном тупике проживаем.

ГРИГОРИЙ. Кать, что ты взъелась на человека?

КАТЯ. Ты тоже собирайся. И кралю свою не забудь прихватить. Ишь, засмушалась.

ДЕБОРА (вакханкой порхает по комнате. В зал). Мама, я русского лублу!

Бабоньки-и-и? (Оглядывается на Катю.) Я правильно сказала? Я в книжке умной прочитала: не надо им говорить «ты ни на что не годишься». Не надо «ты не умеешь делать самой простой вещи». Над русским мужиком не надо глумиться! Ты – мой «Титан...ник»! Мы вместе – навсегда! (Вместе с Гришей изображает известную скульптуру «Рабочий и Колхозница».)

КАТЯ. Повторяю: а не пора ли вам, гости дорогие, в обратную путь-дорожку?

ГРИГОРИЙ. Гонишь, значит? Ох, чую, заночую...

Григорий расстилает плед на полу посреди комнаты. Дебора пристраивается рядом.

КАТЯ. Ты чего там улегся?

ГРИГОРИЙ. Я хозяин, где хочу, там и сплю. Янки, гоу хоум!

КАТЯ. А ну вставай!

ГРИГОРИЙ. Деборка, ты меня уважаешь?

ДЕБОРА. Я тобой горжусь! (Кате.) Я вообще не понимаю, как вы решились променять такой чуткий, обворожительный мужчина на этот несуразный скарденный тип?

КАТЯ. С тобой не посоветовалась, маньячка нечесаная!

ДЕБОРА. За нечесаную ответишь! До чего все-таки люди обнаглели!

ГРИГОРИЙ. А, ну их... Человек – это только звучит гордо. Я – свиней пожалел, а их...

КАТЯ (показывает будильник). Без четверти пять, синьоры!

ГРИГОРИЙ (Скотту). А у вас сколько?

РУСЕЦКИ. У нас еще восемь вечера.

ГРИГОРИЙ. Кругом бардак. Имей в виду, Катя, я не уйду, пока один вопросик интимный не выясню...

КАТЯ. Нету!

ГРИГОРИЙ. Катя, официально говорю: желаю ре...ре...структурировать супружеский долг!

РУСЕЦКИ. Нет-нет! Я решительно заявляю протест! Одна жена - вам, одна - мне!

ГРИГОРИЙ. Жан принял Соломоново решение.

РУСЕЦКИ. Деби! Ты слышала?

ДЕБОРА. Не паникуй! Заполошный!

ГРИГОРИЙ. Катерина, а ты меня слышала?

КАТЯ. И не проси!

ГРИГОРИЙ. Ну, Катя...

КАТЯ. Я лучше тебе с собой дам.

ГРИГОРИЙ. На вынос нельзя. Катя...

КАТЯ. Иди, откуда пришел!

ГРИГОРИЙ (строже). Катя, я ведь сам найду, хуже будет!

КАТЯ. Сказала, нет – и точка! (Из комода с бельем извлекает «зачачку» – бутылку без этикетки.) На!

РУСЕЦКИ. А я все думал, где в русских домах бар?

ГРИГОРИЙ. Она, родимая! «Хищенка»! Спасибо. Я ждал этого. Думал, дрогнет женское сердце или не дрогнет. Дрогнуло. Ты не представляешь, как мне это было важно.

КАТЯ. К несчастью, представляю. Это я тебе на годовщину припасала.

ГРИГОРИЙ. До годовщины еще дожить нужно. Приятно вот так посидеть в кругу семьи под праздничек. Что ни говори, а жить стоит! Да что там, от такой жизни и помереть не жалко! Душа радуется! Парит! (В зал.) А душа у русского человека какая?

ДЕБОРА. Странная! Загадочная!

ГРИГОРИЙ. Мало изученная! Еще какая?

ДЕБОРА. Болшая! Широкая!

ГРИГОРИЙ. И от широты души я тебе, дорогой командированный товарищ, отдаю свою Катерину. Как говорится, из рук в руки.

КАТЯ. Ну, наконец-то, дождала: по рукам пошла.

РУСЕЦКИ. Спасибо. Я тронут. Как правильно: я тронут или я тронулся?

КАТЯ. И так, и так.

ГРИГОРИЙ. Ну, нам тоже пора. Давай, Деборка, на посошок. (Наливает Деборе рюмочку.)

РУСЕЦКИ. Деби, а ты что думаешь? Тебе ведь Катюша не понравилась, я прав?

ДЕБОРА (поднимает рюмку). Чего хочет мужчина, того хочет бог!

РУСЕЦКИ (Григорию). Фэнтэстик! Всего год назад эта женщина заставляла меня подстригать газоны, когда наши «пингвины» играли с детройтскими «ястребами»! Как вам это удалось?

ГРИГОРИЙ (скромно). Работаем... (Пытается встать.) Ой, не встану... Святой Петр, помоги мне! Ой, голова! И ты помоги, святой Николай!

Григорий со стоном распрямляется.

ГРИГОРИЙ. (в поисках опоры повисает на бывшей супруге. Руки непроизвольно ощупывают знакомые формы.) О, вот она, память сердца!

Дебора тем временем подходит к своему здравствующему мужу.

ДЕБОРА. Ты не забывал принимать витамины?

РУСЕЦКИ (обнимает Дебору). Я достал ноты той пассакальи для виолончели, которую ты искала...

ДЕБОРА. Спасибо, родной. А я как раз Нострадамусу вчера играла.

РУСЕЦКИ. Ему понравилось?

ДЕБОРА. Чуть повторно не умер от восторг! Он предсказал, в России в этом году любовь зла, как никогда. Но ты не переживай, я тебя не брошу...

Сколько длятся ностальгические объятия? Минуту? Вечность? Затем, словно испугавшись нахлынувших воспоминаний, экс-супруги отстраняются друг от друга.

ГРИГОРИЙ (кричит Скотту). И я тебя не брошу на произвол семьи! Ну, вот и свиделись... Ты, грешным делом, не подумай чего. (По-родственному хлопает Скотта по плечу.)

РУСЕЦКИ. Мы с Деби тоже давно не виделись.

Неожиданно раздается бой настенных часов, выскакивает кукушка и, нарушая природные законы, издает осипший петушиный крик.

Г Р И Г О Р И Й. Пора.

К А Т Я. Уже?

Г Р И Г О Р И Й. Поздно. То есть, рано. Извините, если что не так. Теперь уже вы к нам.

К А Т Я. Нет, уж лучше вы к нам!

Г Р И Г О Р И Й. Ты его не гони, Кать. Пропадет сам. Это он так селезнем ходит, пока в междужонье, а приструнишь маленько – будет как шелковый.

Д Е Б О Р А. Как по-русски называть жена селезень?

К А Т Я. Серая шейка.

Д Е Б О Р А. Серая шейка... как красиво...

Опять распахивается окошко настенных часов и кукушкино «кукареку» повторяется.

Р У С Е Ц К И (Григорию). Говорите ей по утрам теплые слова, ладно? Хотя бы «Ай лав ю» и «Ай нид ю». Ты нужна мне, я люблю тебя. Это легко, вы быстро привыкнете. А в минуты близости - мой маленький мышонок. «Май литтл маус»...

К А Т Я. Точно, Микки Маус! А я думаю, кого она мне напоминает...

Р У С Е Ц К И. Деби не подаст виду, но в душе ей будет приятно. После этого можете делать с ней все, что захотите.

Г Р И Г О Р И Й. Я и так делаю, но за совет спасибо. Учту. А ты смотри, мою Катушу не обижай. Я не против, но должен был убедиться. Ну, бывай друг... (Суровые мужские объятия.)

К А Т Я. А как же с могилкой, Гриш? Если надумаю ехать, я пионы дикие посажу, они многолетние.

Г Р И Г О Р И Й. Да хоть чертополохом пускай зарастет! Не думай об этом. Сколько же ты натерпелась от меня за все эти годы, зоренька моя... Хоть теперь отдохни, поживи как человек... Синеглазка ты моя с проседью... Зачем ты косу отрезала?

К А Т Я (крайне удивлена). Да я и не помню. Двадцать лет прошло.

Г Р И Г О Р И Й. Отрасти и заплети. А я тобой из заоблачной выси любоваться буду. Катрин моя черноокая... Как ты вообще умудрялась смеяться, живя со мной столько лет, вот чего я не понимаю!

К А Т Я (прикладывает ладонь ко лбу Григория). Ты не заболел, Гришань? Хотя чего теперь...

Г Р И Г О Р И Й. Да мне Деборка, пока мы в спальне были, на пальцах все объяснила. Прости за все, Катюня...

К А Т Я (Деборе). Так это я тебе... обязана? Столько теплых слов я за всю жизнь не слыхала – по совокупности. Как тебе это удалось?

Д Е Б О Р А. Работаем... Надо уметь - ласково, иногда - спустать мужчину с неба на землю.

Настенный гибрид поет в третий раз, и вслед за мужчинами дамы тоже потянулись друг к другу.

К А Т Я. Аврора! Ой, Дебора!

Д Е Б О Р А. Катя!

Соперницы обнимаются как боевые подруги.

К А Т Я. Ты не держи на меня зла.

Д Е Б О Р А. Я все понимать. И не обижаюсь на тебя, моя славная русская сестра...

Окно с шумом распаивается. Для бывших супругов наступает печальная минута расставания. Влекомые сквозным ветром, потусторонние гости исчезают. Под все ту же ностальгическую мелодию – «...мы память, мы долгая память друг друга...»

Скотт украдкой смахивает слезу. Катя открыто всплакнула.

Р У С Е Ц К И. Катя! Давайте не будем больше заглядывать в прошлое и ворошить будущее. Сегодня, сейчас, я прошу вашей руки.

К А Т Я. А не боишься снова в этот омут? Не все ведь у вас ладно было.

Р У С Е Ц К И. Наоборот! Я радостно говорю: привет, грабли! (Стучит себя кулаком по лбу.) Да, снова я...

К А Т Я. Я так не смогу. Хочу, но не смогу.

Р У С Е Ц К И. Я не понимаю!

К А Т Я. Иногда мне кажется, будто он не умер, а... (Берет в руки фото Гриши.)

Живой.

Р У С Е Ц К И. Живой? Не надо, я точно знаю, у вас был только один вечно живой мужчина.

К А Т Я. И Федю я на кого оставляю?

Р У С Е Ц К И. Твой сын давно совершеннолетний. У нас не принято, чтобы взрослые дети вмешивались в личные судьбы родителей.

К А Т Я. Вы нас не понимаете, а мы вас. Практически мы говорим на разных языках.

Р У С Е Ц К И. Я хорошо говорю по-русски.

К А Т Я. Вот ты сейчас по-английски помолчал или по-русски? Понимаете, нет у нас чего-то главного... внутренней близости.

Р У С Е Ц К И. Но ведь я был прикован!

К А Т Я. Ученые вон пишут, на родине живут дольше.

Р У С Е Ц К И. Я предлагаю вам качество жизни.

К А Т Я. Думаешь, твои миллионы подсластят супружество?

Р У С Е Ц К И. Нет у меня никаких миллионов. Я говорил, у меня хорошая зарплата и дом в Свит-Лэйк-Сити. Это ваш шанс пожить достойно.

К А Т Я. А я ж как жила? Ну, все равно, умереть я хочу здесь.

Р У С Е Ц К И. У меня на родине принято быть счастливым при жизни!

К А Т Я. Здесь мои березки, травы-муравы, туман над речкой, аист на крыше...

Родители, муж, - все здесь похоронены. И мне место оставлено.

Р У С Е Ц К И. Ну это, положим, несложно устроить.

К А Т Я. Всего не устроишь.

Р У С Е Ц К И (обиженно). Конечно, рукоприкладства я вам не обещаю, клубника у нас не пахнет, и люди не так потеют.

К А Т Я. Тут, конечно, не сладко иной раз приходится, но я уж привыкла... не скажу, за сколько лет.

Р У С Е Ц К И. Поразительно, как все русские любят страдать. Ну, если ты захочешь, я мог бы тебя легонечко бить, а ты бы мне... легонечко давала сдачи. Сейчас многие пары практикуют побои для оживления сексуальной жизни. Это называется... (ищет в словаре.)

К А Т Я. Да как бы не называлось! У нас с Григорием, конечно, всяко бывало, но чтоб специально...

Р У С Е Ц К И. Мы не будем страдать, мы будем только наслаждаться.

К А Т Я. Разве так бывает?

Р У С Е Ц К И. Бросим монету? Орел – уезжаете со мной, решка – остаемся каждый в своем тупике. (Подбрасывает монету.) Упала на ребро!

К А Т Я. Это не по правилам.

Р У С Е Ц К И. Как говорил Онасис: правило одно – правил нет.

К А Т Я. Все равно я никуда не поехала бы. Осудят меня.

Р У С Е Ц К И. Кто? Кого вы вечно боитесь?

К А Т Я. Сын, знакомые... широкая общественность. Вам не понять.

Р У С Е Ц К И. Куда мне, недалекому американцу понять таинственную русскую душу!

К А Т Я. Да! Если хотите, это тайна!

Р У С Е Ц К И. Опять тайна? Да сколько можно! Сюда нельзя – тайна, туда нельзя – тайна! Почему вы все такие скрытные? Средство от пота у вас тоже называется «Тайна». Дезодорант для ног – «Грезы».

К А Т Я. Уходи. Уже поздно...

Р У С Е Ц К И. Ты правда хочешь, чтобы я ушел?

К А Т Я. Скоро сын вернется.

Р У С Е Ц К И. Ладно, ты хочешь продолжать здесь страдать, следить за сыном и, наконец, предстать перед всевышним, - окей. Но я не уйду, пока не заступлюсь за Америку! Как ты говорила? Русская литература лучше, чем джаз, кока-кола и секс? Так вот. Вкус американской колы в запотевшем стакане с кубиками льда можно почувствовать в баре переполненной дискотеки где-нибудь в Манхэттене после композиции в стиле рок. Что такое секс по-американски – лучше спросить у молодых друзей Оушена или крепкого Орешка. А наш джаз — это когда вместе поют Элла Фицджеральд и Луи Армстронг! Я не буду с ними соревноваться, но кое-что я спою тебе сам!

Мистер Русецки — настоящий американец, и он не привык к поражениям. Он прикладывает к бутылке с водкой, затем в отчаянии расшвыривает вокруг себя долларовые купюры. И, наконец, взяв себя в руки, запекает жизнеутверждающий «Мой путь» Синатры.

Р У С Е Ц К И (поет). For what is man? What has he got,
If not himself, then he has naught.

To say the things he truly feels,
 And not the words of one who kneels.
 The record shows I took the blows
 And did it my way.
 Yes, it was my way!

На этой философской ноте русская одиссея мистера Русецки не заканчивается. Однажды вечером в его доме в Свитлэйксити раздается звонок. Входит уверенная в себе респектабельная дама, в которой не сразу можно узнать Катю. Впрочем, старые знакомые и не торопятся с узнаванием...

КАТЯ. Роуз стрит, десять? Мистер Русецки, если не ошибаюсь?

РУСЕЦКИ. Да... С кем имею честь?

КАТЯ. Кет Тихонова, представитель русского автомобильного концерна "Москвич – бемц". (Небрежно протягивает руку для поцелуя.) Также я возглавляю русское отделение международной организации «Феминизм с человеческим лицом». (Разбрасывает вокруг изумленного хозяина свои визитки.)

РУСЕЦКИ. Катюша, вы?

КАТЯ. Лет десять тому мы и представить не могли, что наших «Москвичей» оседлают такие крутые американские ковбои. (Развязно хлопает Скотта по плечу.)
 Давно за рулем?

РУСЕЦКИ. Я?

КАТЯ. Я спрашиваю, с лошади давно за руль пересели?

РУСЕЦКИ. Давно, давно...

КАТЯ. Итак, в письме, адресованном нашей компании, вы пишете... (Разворачивает письмо.)

РУСЕЦКИ. Дошло! Кто бы мог подумать...

КАТЯ. Пишите, что попали в аварию ввиду существенных дефектов двигателя нашей «Малютки»...

РУСЕЦКИ. Малютки?

КАТЯ. Имеется в виду автомобиль «Малюта Скуратов» на базе модели «Иван Грозный», разработанный, кстати, моим сыном и приобретенный вами около года назад. Я правильно излагаю?

Р У С Е Ц К И. Еле достал, а тут такая неприятность на дороге... А позвольте вас спросить, где вы так хорошо освоили английский?

К А Т Я. С детства читала на ночь «Хижину дяди Тома» в оригинале.

Р У С Е Ц К И. Надо же... Вы, наверное, хотите взглянуть на заключение дорожной инспекции?

К А Т Я. Вначале - маленький презент лично для вас, как владельца нашей марки. (Вручает Скотту подарок.)

Р У С Е Ц К И. Что это?

К А Т Я. Портки а-ля рюс!

Р У С Е Ц К И. Настоящие портки, из России! (Рассматривает нелепые мужские семейные трусы в цветочек.)

К А Т Я. Удобные, как наши автомобили.

Р У С Е Ц К И. О, признаться, я польщен... Вы проходите!

К А Т Я. Мэри Кристмэс, Скотюшка...

Катя и Скот, наконец, заключают друг друга в объятия. И снова звучит зажигательная мелодия, как приглашение к танцу и для русской леди Катерины, и для ее заморского жениха, и, конечно, для их бывших многолетних партнеров.

Автор — Наталья Демчик

demchikn@mail.ru

8 906 720 48 44